

Страны низких котировок

От модели организации нефтегазового сектора зависит, сможет ли Россия перейти от кризиса к росту

О структурных изменениях на мировом рынке нефти, о мерах, которые могут спасти страну с экспортозависимой экономикой в период низких цен, а также о перспективах сланцевой революции рассказал директор Центра сырьевой экономики РАНХиГС Петр Казначеев на круглом столе, состоявшемся 24 сентября.

28 СЕНТЯБРЯ 2015 14:01

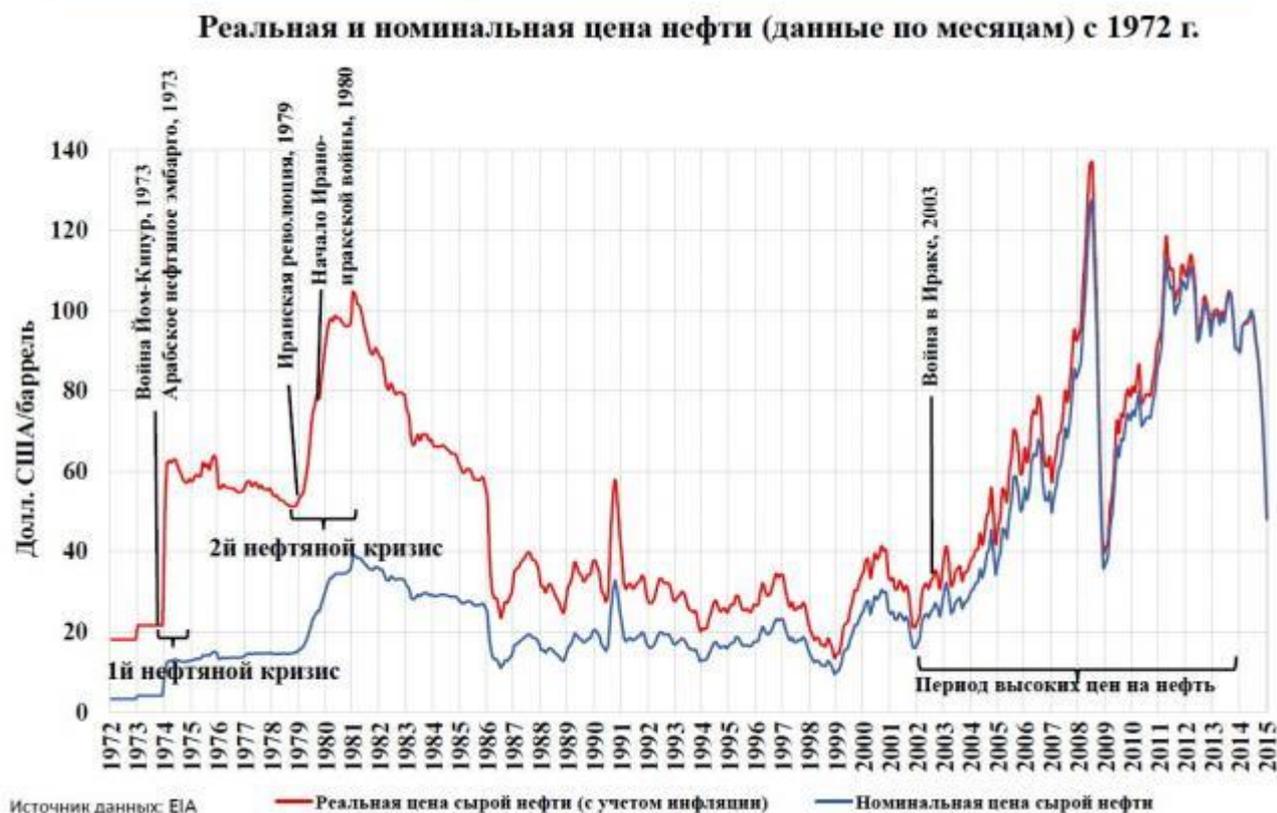

[FÁBIO PINHEIRO/FLICKR](#)

Деполитизация цены

На протяжении нескольких десятилетий военные конфликты, прежде всего, на Ближнем Востоке сопровождались скачками цены на нефть.

Периоды роста цены на нефть совпадали с крупными вооруженными ближневосточными конфликтами:

События такого рода – непредвиденные, масштабные, с потенциалом огромного влияния на геополитику и экономику в терминологии американско-ливанского экономиста Нассима Талеба называются «черными лебедями». Прошлый год оказался самым насыщенным этой точки зрения.

В 2014 году возникло исламское радикальное движение ИГИЛ (запрещенная в России организация), которое сумело захватить огромную территорию Ближнего Востока, причем значительная часть стран, оказавшихся под их контролем – это нефтепроизводители. Но вопреки всему прошлому опыту, ни информация о приближении террористов к Багдаду, ни захват территорий Сирии и Ливии, ни захват Йемена движением Хуси –

не привели к росту нефтяных котировок. Не говоря уже о таких событиях, как введение санкций против России, которые тоже не способствуют стабильности производства нефти. В прежние годы в подобных геополитических условиях цена на нефть неминуемо бы резко выросла: рынок был нервозен и очень остро воспринимал подобные события, говорит Петр Казначеев. Но в 2014 году эта логика явно перестала работать: вооруженные конфликты перестали оказывать заметное влияние на цену нефти, которая снижалась в течение второй половины 2014 года – вместо ожидаемого роста цена на нефть упала больше чем в два раза.

Вооруженные конфликты перестали оказывать влияние на цену нефти

В Центре сырьевой экономики это объясняют двумя следующими факторами. Во-первых, росту цен на нефть предшествовала череда национализаций, когда в постколониальную эпоху многие страны пришли к так называемому ресурсному национализму. Национализация нефтяного сектора происходила в Иране, Бразилии, Индонезии, Аргентине, Египте, Перу, Нигерии, Ираке, Ливии и других странах, он стал менее эффективным, что сказалось на ценах на нефть. Вторым фактором, еще более важным, стала гонка за лидерство в производстве нефти. США до 1973 года лидировали по производству нефти, опережая значительно по этому показателю Саудовскую Аравию и Советский Союз, затем они уступили свое лидерство, после чего цена на нефть начала расти. А в 2014 году США впервые с 1970-х годов снова вышли вперед по нефтедобыче, это сыграло очень важную роль, потому что произошла деполитизация цены на нефть. Это связано с тем, что США – гораздо более стабильная страна, чем страны Ближнего Востока, и она не подвержена влиянию событий в этом регионе. Теперь роль стабилизирующего производителя (swing producer) перешла к США, а значит, в нефтяные цены уже гораздо в меньшей степени заложены геополитические риски.

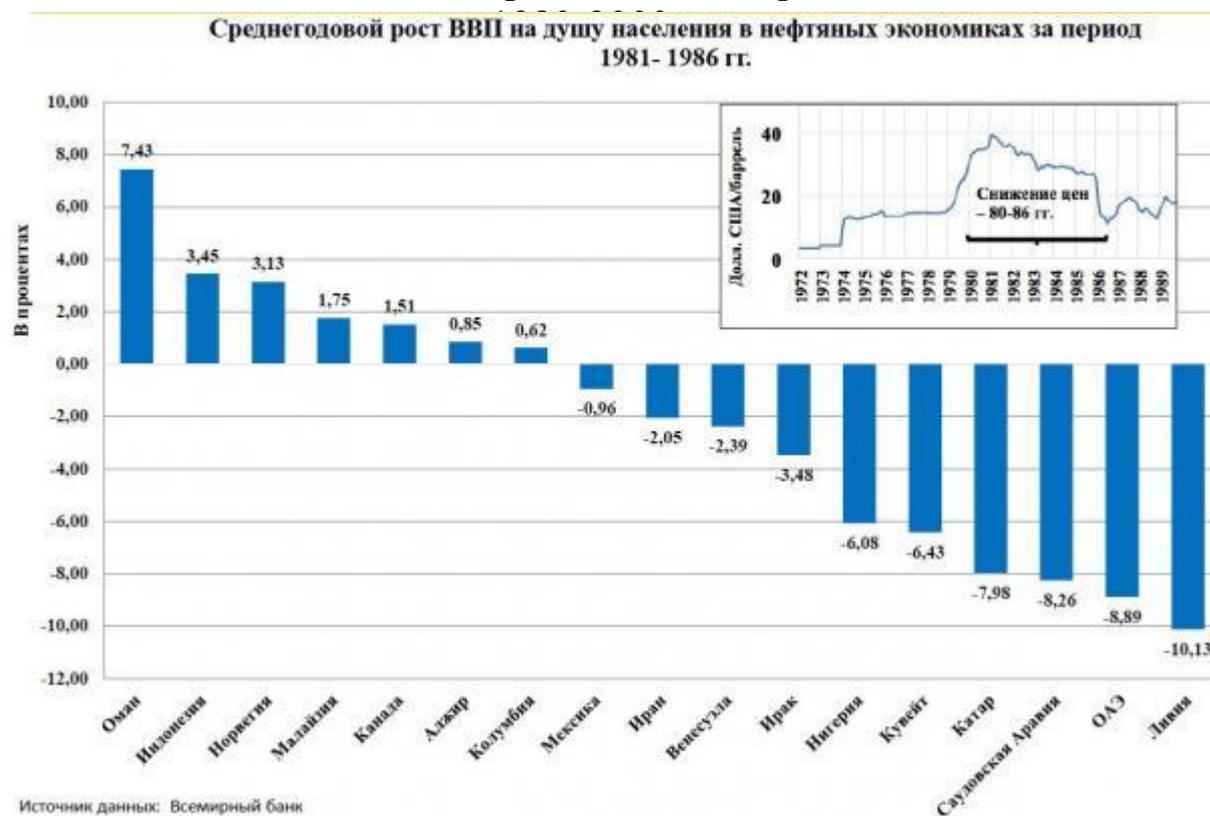
Факторы

Источник данных: BP Statistical Review of the World 2014, OPEC Oil Market Report (Март 2015)

Самое резкое падение цен на нефть произошло в 1981-1986 гг., когда номинальная цена нефти снизилась почти в четыре раза, реальная – в два с половиной. По-видимому, это было некое отрезвление рынка после резкого роста цен в ходе ирано-иракской войны, когда стало понятно, что она не приведет к сокращению поставок нефти с Ближнего Востока, и что рынок переоценил ее влияние. ОПЕК пыталась остановить падение цены, но безуспешно. Саудовская Аравия сократила добычу нефти в этот период больше, чем вдвое, но восстановить цены на нефть не смогла. В результате страна потеряла свою долю на рынке, а восстановить добычу смогла только через 30 лет. При этом целый ряд стран – членов ОПЕК и не только – зависели от экспорта нефти, как и сейчас. При столь резком снижении цен на основной экспортный товар их экономики резко замедлились, и во многих, что ожидаемо, наступил кризис, то есть темпы роста стали отрицательными. Интересно, что это произошло в большинстве экспортозависимых экономик, но не во всех из них – некоторые нефтегазовые страны смогли значительно увеличить свой ВВП.

Пять экономик, темпы роста которых превышали 1% – это Канада, Малайзия, Норвегия, Индонезия и Оман. В отличие от других экономик, эти страны смогли сохранить положительные темпы роста. Нельзя сказать, что им просто повезло пережить эти пять лет и не сесть на мель: тенденции роста в них сохранились и в течение

Первый ключевой фактор поддержания экономического роста в период низких цен – это возможность наращивать добычу нефти и газа. То есть падение цен частично компенсируется увеличением объема экспорта. Добычу можно нарастить благодаря активной геологоразведке, финансируемой в предшествующий период более высоких цен на нефть, а также мерам по повышению нефтеотдачи на уже эксплуатируемых месторождениях и активному сотрудничеству с международными компаниями. Так, например Малайзия за период 1981-1986 гг. почти удвоила темпы производства нефти за этот период. Единственная из пяти стран, снизившая добычу нефти, – Индонезия. Но она компенсировала это падение почти стопроцентным ростом темпов производства газа. Малайзия также с минимального уровня очень быстро нарастила темпы добычи газа, перейдя к своего рода диверсификации – не посредством отказа от экспорта углеводородов, а за счет умного

стратегического планирования. Эти страны смогли воспользоваться ситуацией. 4 из 5 этих стран не входят в ОПЕК, соответственно, они не были под квотами, чем и воспользовались очень грамотно, увеличив объемы поставок на внешний рынок.

Второй фактор роста – институциональное развитие. За индикаторы этого показателя взяты места стран в рейтингах по индексу «Экономическая свобода» и «Условия для бизнеса». Причем важно не просто место в рейтинге (понятно, что Канада и Норвегия находятся в этих рейтингах очень высоко, поскольку они обладают очень развитой сформировавшейся институциональной системой), но и конкурентное место среди стран в группе. Например, Оман традиционно опережал в этих рейтингах другие ближневосточные страны; важно не то, как он соотносился с Западной Европой, а то, как институциональная система Омана соотносилась с экономиками соседних стран. Соответственно, страна имела возможность привлекать больше инвестиций и быстрее развиваться, чем другие страны в регионе.

Критерий	Страна				
	Оман	Индонезия	Норвегия	Малайзия	Канада
Место в рейтинге (из 152) по индексу «Экономическая свобода»*	1980 г. - ...	1980 г. - 62	1980 г. - 36	1980 г. - 13	1980 г. - 5
	1990 г. - 34	1990 г. - 37	1990 г. - 21	1990 г. - 15	1990 г. - 6
Место в рейтинге (из 189) по индексу «Условия для бизнеса»**	66	114	6	18	16

Третий фактор – наличие стабилизационного фонда в качестве «подушки безопасности» на случай снижения цен на сырье. Три из пяти стран уже имели к моменту снижения цен такие стабфонды.

Норвегия создала стабфонд позже, но на сегодняшний день он является самым крупным, равным 1% всего фондового рынка мира. В этом пункте Россия реализовала свой потенциал, и он помогал российской экономике в сложное время. Но одного наличия стабилизационного фонда недостаточно.

Сланцевая революция

О сланцевой революции (и ее роли в снижении цен) в России часто говорят как об угрозе, но сама она -- нормальное следствие эволюции отрасли. Причем если раньше, когда мы еще не наблюдали таких резких темпов роста (темпы роста добычи нефти в США составили 70% за 7 лет), было много скепсиса, говорили, что сланцевые месторождения не могут быть коммерческими, это очень неудобно и невыгодно. Но сегодня США – лидер по производству и сланцевой нефти и сланцевого газа, в перспективе Соединенные Штаты также сохраняют лидерство. Можно подумать, что США при этом обладают самыми большими запасами, но это не так: они находятся лишь на 4-м месте. Значит, дело не только в запасах, но и в существующих институтах.

Другая важная для России тема – развитие Арктического шельфа. Там наблюдается похожая картина: Россия является абсолютным лидером по запасам нефти и газа в Арктике, но при этом на арктическом шельфе она производит незначительное количество нефти и вообще не производит газа. При этом США являются самым крупным производителем нефти, а единственным производителем газа – Норвегия. То есть объемы добычи определяются не объемами ресурсов, а структурой сектора и действующей системой регулирования.

Еще одна из важных составляющих – роль частных и государственных компаний. Ключевыми в разработке сланцевых и других технически сложных месторождений являются независимые компании-юниоры.

В Центре сырьевой экономики сравнили информацию по шести крупнейшим частным и государственным производителям нефти, по которым есть информация в публичном доступе. Среди

государственных компаний в этом списке есть, например, Statoil – далеко не самая неэффективная компания. Среди частных есть BP, которая по-прежнему выплачивает компенсацию после разлива в Мексиканском заливе, соответственно, ее доходы от этого пострадали. Но по такому ключевому показателю как чистый доход на баррель добытой нефти и газа в нефтяном эквиваленте в 2013 году – при высоких ценах – частные компании опережали государственные на 56%. А при низких ценах, в 2014 году, этот разрыв еще больше увеличился – до 86%.

Это значит, что частные компании лучше переносят снижение цен на нефть, и в целом частное управление делает нефтедобычу более эффективной. Это многое объясняет в темпах роста, в развитии разных нефтяных экономик. Те экономики, в которых очень слаба институциональная составляющая, либо национализирован нефтяной сектор, очень сильно страдают. Это, например, Венесуэла, Нигерия, Иран – им в нынешней ситуации тяжелее всех.

Добыча может сократиться на 7% в течение 4-5 лет

Зависимость российской экономики от нефтегазового сектора очень высока. В экспорте и бюджете, по разным оценкам, это около 50%. От модели организации нефтегазового сектора зависит, сможет ли Россия перейти от кризиса к росту. Даже прогноз Минэнерго, который должен быть очень оптимистичным, на этот год пессимистичен, и предполагает сокращение добычи по итогам года на 0,7%. Еще пессимистичнее в своих оценках частные компании.

Добыча может сократиться на 7% в течение 4-5 лет, что уже очень существенно. Проблема не только в низких ценах, но и в исчерпанности очень большого числа месторождений в России, и институциональных проблемах, связанных с малой разработанностью новых месторождений. Причем надо отметить, что темпы роста производства нефти в России с 1998-го по 2005 год были выше, чем в последующие годы до 2014-го. В период наиболее высоких цен на нефть темпы роста производства упали.

Этот факт показывает, что производство в России неэластично, а серьезные институциональные проблемы не решены. При этом Россия обладает довольно значительным сланцевым потенциалом, но нынешняя структура сектора и система регулирования плохо приспособлены для разработки сланцевых месторождений.

Записала Марина Затеичук

Петр Казначеев – директор Центра сырьевой экономики, старший научный сотрудник РАНХиГС. Ранее работал советником по развитию бизнеса в компании «ВР» в подразделении геологоразведки и добычи, где отвечал за поиск и оценку новых проектов для компании. В 2002 – 2005 годах работал на должности старшего советника в администрации президента РФ, занимаясь вопросами экономической и энергетической политики, а также проблемами окружающей среды. До этого работал консультантом Международного агентства по инвестициям Всемирного банка в Вашингтоне, а в 1999 – 2000 годах — советником заместителя председателя Комитета по собственности Государственной Думы РФ. В настоящее время консультирует компании и государственные структуры в сфере недропользования, являясь учредителем компании «Хазна Стрэтэджиз». Получил магистерскую степень по международной экономике в Высшей школе международных исследований Университета Джонса Хопкинса в Вашингтоне. Высшее образование и степень кандидата философских наук получил в Московском государственном университете. С 2006 г. читает в РАНХиГС курс лекций по государственному управлению в сырьевых экономиках.